

М.Н. ЛЯДОВ

КАК

НАЧАЛА

СКЛАДЫВАТЬСЯ

В.К.Ш.

/БОЛЬШЕВИКОВ/

ИЗДАНИЕ
КОММУН. У-ТА ИМ. Я. СВЕРДЛОВА
МОСКВА 1926

М. Н. ЛЯДОВ

КАК НАЧАЛА СКЛАДЫВАТЬСЯ
РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ

(История Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии)

3-е издание.

Издание
Коммунистического Университета им. Я. М. Свердлова
Москва — 1926.

ГЛАВА III.

Как мы уже видели, революционное боевое народничество 70-х годов уступило место народничеству мирному, реакционному. После разгрома в 80-х годах „Народной Воли“ им уже не удается собрать свои силы. Все отдельные попытки в этом смысле разбиваются о реакционность „общества“, о безразличие широких народных масс. Правительство, убедившись в оторванности революционеров от массы народа, сравнительно без труда справляется с их заговорщицкими организациями. Лучшие силы оказываются выловленными—повешенными или заключенными в „централах“, в рavelинах Петропавловки, в Шлиссельбурге, на Каре. Рядовые народолюбцы массами заполняют восточно-сибирские захолустья. Лишь очень и очень немногим удается скрыться (за границу), где им, оторванным от жизни, приходится влачить жалкое эмигрантское существование. Я говорю „жалкое“ существование, потому что непосредственная вера в дело семидесятников у них уже исчезла, понять же причины крушения не хватало ни сил, ни способностей. Они занялись реставрацией, починкой разрушенной идейной храмины, но заглядывать в корень вещей не решались. Их заграничные споры и издаваемая там литература уже не влияют на настроение родины. Революционное движение в России на время замолкает. Попытки Лопатина, Оржика, „милитаристов“, группы Александра Ильича Ульянова (мартовцев 87 г.) не в состоянии были оживить погибшее дело и восстановить старые приемы борьбы.

Изо всей массы заграничных эмигрантов нашлось лишь несколько человек, которые начали понимать несомненный факт крушения старых идеалов и сочли нужным считаться с ним.

В 1883 году в Швейцарии образовалась группа „Освобождение Труда“. Это была первая русская революционная группа с ясно выраженным марксистским характером. Основатели этой группы (Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов), бывшие „чернопередельцы“, вывезли из России разочарование в старой тактике, но вместе с тем они привезли с собой и опыт непосредственного знакомства с рабочей средой и со стихийным зарождением ее классового недовольства. Знакомство с высшей, уже сознательной формой западно-европейского рабочего движения заставило их „привести в ясность те представления о социализме, которые существовали у наших революционеров в эпоху возникновения в их среде политических тенденций“. „Убедившись в том,—говорит Плеханов,— что эти представления были ошибочными или отсталыми, мы посмотрим, какое место отводит политической борьбе то

учение, которому даже буржуазные противники не отказывают в названии научного социализма. После этого нам останется сделать в наших общих выводах поправки, неизбежные в виду тех или иных особенностей современного положения дел в России, и наша тема будет исчерпана; политическая борьба рабочего класса с врагами, принадлежащими к той или иной исторической формации, окончательно обнаружит пред нами свою связь с общими задачами¹⁾. В этом плане первой социал-демократической работы Плеханова виден и ход мыслей, который привел его и его товарищей к социал-демократии. Группа „Освобождение Труда“ поняла, что Россию не минует чаша капитализма, что она, вопреки желаниям народников и бунтарей, развивается и должна развиваться по тем же самым законам, по каким развиваются и все остальные страны всего мира. Она поняла, что Россия не представляет исключения, и что русский народ не является особым избранником Божиим, призванным, миновав чистилище капиталистического строя, сразу вкушать блаженство социализма. „Если Иисусу Навину и удалось, по библейскому рассказу, остановить солнце на „десять степеней“, то время чудес прошло, и нет ни одной партии, которая могла бы крикнуть: „стойте, производительные силы, не шевелись, капитализм!“. История так же мало обращает внимания на опасения революционеров, как и на реакционные иеремиады. „Экономический прогресс“ делает свое дело, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществят свои намерения. Каждая фабрика, основанная в Петербурге, каждый лишний „работничек“, принятый ярославским кустарем, усиливает роковое, будто бы, для революции „пламя прогресса“, а следовательно и уменьшает вероятность народного торжества. Можно ли назвать революционным такой взгляд на взаимное отношение различных общественных сил в России? Мы думаем, что нет. Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрощать старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути²⁾.

Понять все это—значило пересмотреть все свое мировоззрение и прежде всего отрешиться от суб'ективной точки зрения, от взгляда на себя, как на „героя“, а на народ, как

1) „Социализм и политич. борьба“, стр. 7.

2) „Соц. и полит. борьба“, стр. 15.

на „толпу“... „Мы — пишет Плеханов в своей брошюре „Социализм и политическая борьба“ ¹⁾—не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собой последний и при том совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую на известной ступени общественного развития должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собой это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. *Den Teufel halte, wer ihn hält!* ²⁾ говорит Фауст...

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно понимание этой задачи предполагает развитый рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. Решение же ее предполагает, кроме сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям. Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опека была бы вредной, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспиративная сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли

¹⁾ Стр. 61—63.

²⁾ Пусть держит черта, кто его поймал.

ее „железный канцлер“¹⁾ или революционная организация. Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки с тем, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не ан-архии, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но пан-архии²⁾, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен.

„Так понимаем мы вопрос о захвате власти в социалистической революции. Применяя эту точку зрения к русской действительности, мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России“.

Не кучка революционеров, захватив власть, своими декретами освободит русский народ: освободить себя может лишь сам народ, сознательно свергнув старую власть.

Уже в первом выступлении Группы в цитированной мною брошюре „Социализм и политическая борьба“ Плеханов формулирует задачу, которая поставила себе группа „Освобождение Труда“:

„Таким образом, борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной роли—с другой, такова, по нашему мнению, „постановка партийных задач“, единственно возможная в настоящее время“³⁾.

В 1885 г. вышел в свет проект программы русских социал-демократов, составленный группой „Освобождение Труда“. Так как этот проект первой социал-демократической программы в России совершенно неизвестен широкой публике, мы приводим его целиком⁴⁾:

„Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала.

1) Так звали Бисмарка, первого канцлера Германской империи.

2) Слово анархия состоит из двух греческих слов „ан“—„без“ „архон“—начальник-управитель; анархия—безначалье. „Пан“ тоже греческое слово „все“. Панархия—всеначалие, т. е. демократизм.

3) Соц. и полит. борьба, стр. 72.

4) Проект программы русских социал-демократов 1885 г. Соц.-дем. вестник 1902 г. Изд. Гр. Борьбы, Женева, 1902 г. стр. 194—198.

Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех средств и предметов производства,—перехода, который повлечет за собою:

а) Устранение современного товарного производства (т.е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) Замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану в виду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов, в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

„Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

„Заменяя современное господство продукта над производителем—господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

„Это непосредственное участие граждан в заведывании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством.

„Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена, упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает солидарность интересов производителей всех стран, признанная и провозглашенная еще Международным Товариществом Рабочих¹⁾.

„Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплуататоров, и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений,—то неизбежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

„Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

„Практические задачи, а следовательно, и программы социал-демократов должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим, и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени отмены крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные общинные формы крестьянского землевладения бы-

¹⁾ Так называется „Первый Интернационал“, основанный Марксом.

стро разлагаются; община превращается в простое средство закрепощения государством крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному практическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

„Также положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижный и развитый, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем, как идеал общинника лежит позади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадет в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

„Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

„Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собою в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему на него нападению, при чем не остановятся и перед, так называемыми, террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

„Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

„1) Право быть избирателем и избираемым, как в законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления, всякому гражданину, не приговоренному судом, за известные, строго определенные законом позорные действия, к потере политической правоспособности.

„2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

„3) Всеобщее светское даровое и обязательное образование, при чем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

„4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

„5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

„6) Свободу передвижений и занятий.

„7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

„8) Замена постоянного войска всеобщим вооружением народа.

„9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

„Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как например:

„1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделение ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.

„2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

„3) Законодательное урегулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей инспекции с представительством от рабочих.

„4) Государственная помощь производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными заводскими и рабочими, кустарями и т. д.).

„Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обдешенного члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такою силою явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

„Примечание. Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитый слой трудящегося населения, каковым и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут, с гораздо большей надеждой на успех, распространить свое воздействие на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своею деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнули от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности“.

Уже при беглом взгляде на эту программу бросается в глаза, что она написана не для партии уже действующей, а является лишь знаменем, выброшенным небольшой кучкой инициаторов, желающих создать партию. Эти инициаторы, отколовшись от чисто интеллигентских групп утопистов-народников, по отношению к той среде, к которой они по преимуществу обращаются, т.-е. к „интеллигенции“, все еще продолжают держаться ненаучной, утопической точки зрения. Разойдясь с „Народной Волей“, отказавшись от народнических и анархических предрассудков „Черного Передела“ и став на научную социал-демократическую точку зрения, члены группы Освобождение Труда сохраняют еще уверенность в том, что вся русская интеллигенция, „образованные слои высших классов“ легко могут отказаться от этих предрассудков и, став на их точку зрения, из идеологов различных слоев буржуазии превратиться в идеологов пролетариата. Ни в проекте программы, ни в последующих своих литературных выступлениях группа Освобождение Труда не дает классового анализа этой интеллигенции. Один из авторов, Плеханов, объясняет даже неверные положения этого проекта известной уступкой революционерам, разуверившимся в остальных программах. Вот что говорит он по этому поводу:

„Программа группы Освобождение Труда и до сих пор не может быть названа устарелой. Правда, в ней есть два пункта, которые,—как заметил недавно польский „Przegląd Socialdemokratyczny“,—не выдерживают критики с точки зрения „ортодоксального“ марксизма: прямое народное законодательство и государственная помощь производительным товариществам рабочих во всех отраслях нашего народного хозяйства. Но это—зло не столь большой руки, потому что его очень легко было бы исправить. „Przegląd“ прибавляет, что эти два требования еще недавно фигурировали в германской социалдемократической программе ¹⁾. Повидимому, это служит в его глазах смягчающим обстоятельством. Но на самом деле германская социалдемократия тут не при чем. Группа „Освобождение Труда“ внесла в свою программу требование государственной помощи производительным товариществам не потому, чтобы она была увлечена в этом случае примером немецких товарищей, а просто потому, что ей невозможно было не считаться с народническими симпатиями,—скажем откровеннее: предрассудками,—тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально единственной русской социалдемократической группой, а число возможных русских социалдемо-

¹⁾ Przegląd Socialdemokratyczny № 1 Marzec 1902 str. 43. (Плеханов).

кратов казалось очень большим, так как все революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах группа „Освобождение Труда“ поневоле должна была, по крайней мере, по пробовать быть осторожной, мягкой и уступчивой. И она действительно решила попытаться быть такою. Этим ее решением объясняется как принятие ею в свою программу требования государственной помощи производительным товариществам, так и очень неопределенная формулировка ее аграрных требований. Эти последние должны были особенно сильно затрагивать народнические предрассудки наших тогдашних революционеров. Группа „Освобождение Труда“ хорошо понимала это и поэтому выразилась очень „дипломатично“. Желательный пересмотр характеризуется в ее проекте только двумя чертами: 1) он должен быть радикальным, т.-е. в корне изменить быт крестьянского населения и не оставаться перед соображениями о законности и о так называемых исторических правах „благородного сословия“; 2) домохозяевам должно быть предоставлено право отказаться от надела и выходить из общины. Это вторая часть ясно определяет направление пересмотра: он должен положить конец крепостной зависимости крестьянства по отношению к государству и разорвать ту цепь, на которой оно так долго держало его под предлогом наделения его землею. Но группа „Освобождение Труда“ ничего не сказала о том, какие положительные требования должна, по ее мнению, выставить социалистическая партия во время желательного ей радикального пересмотра наших аграрных отношений. И это понятно. Пускаться в подробности на этот счет—значило тогда поднимать такие ожесточенные, бесконечные споры, каких лучше всего избежать до поры до времени ¹⁾.

Этой „уступчивостью“ по отношению к проникнутой народническим духом интеллигенции. Плеханов объясняет и самое название их организации. В примечании к только что цитированной статье он говорит: „Раз зашла речь об этой группе, заметим, что самое ее название (Освобождение Труда) нерационально. Но и оно принято было, как уступка „духу времени“. Первоначально группа предполагала называть себя просто Группой русских социалдемократов; но это уже слишком резало бы ухо наших возможных товарищей, в течение долгих лет привыкавшее лишь анархической хуле на международную социалдемо-

¹⁾ Плеханов. „Проект программы Рос. соц.-дем. партии“. „Заря“ № 4. 1902 г., стр. 18—19.

кратию, и потому решено было „смягчить“ то, чего на самом деле смягчить было решительно невозможно. С этой целью и принято было без внимательного рассмотрения пришедшее кому то из нас в голову название: социалдемократическая группа „Освобождение Труда“. Теперь такая „осторожность“, отчасти напоминающая осторожность страуса, кажется просто смешною, а тогда было не до смеху¹⁾.

Оставляя открытым вопрос о том, были ли вызваны все промахи „Проекта программы“ действительно только желанием уступить господствующим тогда мнениям интеллигенции, или они об'яснялись тем обстоятельством, что сами члены группы „Освобождение Труда“ в то время не успели еще окончательно совлечь с себя древнего Адама, мы не можем не отметить здесь, что весь проект программы написан был не для будущей рабочей партии, а для тех „образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система“, и которые приуныли от равнодушия народа к их призывам. Именно эту интеллигенцию авторы проекта приглашают в ряды социалдемократии для создания зачатков будущей рабочей партии. Только этим „интеллигентским“ характером проекта программы мы и можем об'яснить тот факт, что, говоря о переходе от „частных столкновений с правительством“ „к общему на него нападению в удобный момент“, т.-е. к массовому вооруженному восстанию — иначе нельзя понять это место — авторы считают нужным добавить, что социалдемократы при этом „не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы“. Следовательно, террористические действия, т.-е. интеллигентское единоборство с отдельными представителями правительства, как бы считаются более сильным и радикальным средством борьбы, чем массовое выступление рабочего класса против всей политической системы. Кроме того, в политической программе Группы не достаёт многих из тех положений, без которых немислима ни одна политическая программа современных социалдемократических партий. Мы не находим в ней ни слова о равном, прямом и тайном избирательном праве, о равенстве полов; политический идеал Группы не идет дальше демократической конституции. Что же касается экономической части программы, то она ограничивается лишь требованием „инспекции с представительством от рабочих“, не давая кроме этого ни одного практического лозунга, который мог бы послужить темой агитации среди рабочих.

¹⁾ Плеханов. „Проект программы Рос. соц.-дем. партии“ „Заря“ № 4. 1902 г. Стр. 19--20.

Вообще, весь проект программы, по словам одного из авторов, Плеханова, „представляет, скорей, очень сжато написанную статью, чем программу в собственном смысле слова“. И тем не менее, несмотря на все свои дефекты, проект программы группы Освобождение Труда явился громадным шагом вперед сравнительно с позицией революционного народничества. Он ясно и определенно поставил вопрос о неизбежной революционной миссии рабочего класса, о необходимости образования самостоятельной рабочей партии, о нелепости и утопичности упований на совпадение политической и социалистической революции, о том, что последняя невысказана без предварительной победы первой. Правильная формулировка этих вопросов членами группы Освобождение Труда помогла позднейшим поколениям практиков-социал-демократов легко справиться с промахами проекта. А враждебное отношение, которое встретил этот проект в интеллигентских революционных кружках и их идейном руководителе, редакторе „Вестника Народной Воли“ Л. Тихомирове¹⁾, очень скоро заставило и авторов Проекта отнестись несколько строже к интеллигентским утопиям, лучшим доказательством чего служит появление книги „Наши разногласия“. Социал-демократическая программа не могла прельстить русских интеллигентов революционеров; они не пошли за ней, и это заставило членов группы Освобождение Труда все дальше и дальше уходить от „интеллигенции“, все резче и резче отмежевывая себя от ее утопических иллюзий. Уже на Парижском международном социалистическом конгрессе в 1889 г. Плеханов от имени группы Освобождение Труда заявил: „Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может“.

Вся предыдущая революционная борьба доказала бессилие одной оторванной от народа революционной интеллигенции. „История давно и безвозвратно осудила русское самодержавие. Но оно существует и будет существовать до тех пор, пока та же история не заготовит достаточно сил для исполнения своего приговора. Она деятельно заготавливает их, беря их отовсюду. Пролетариат—самая могучая из создаваемых ею новых общественных сил. Пролетариат—это тот динамит с помощью которого история взорвет русское самодержавие.“

„Но рабочему классу не годятся старые, более или менее фантастические костюмы интеллигенции. Наши рабочие, уже в семидесятых годах видевшие слабые стороны народни-

¹⁾ Тихомиров очень скоро после этого ушел от революции в качестве одного из редакторов самой гнусной редакционной газеты „Московских Вестей“ травил всех революционеров.

чества, в девяностых годах сознательно станут под знамя всемирной рабочей партии, под знамя социалдемократов¹⁾.

С усилением реакции 80-х годов группа „Освобождение Труда“, подобно всем остальным эмигрантским революционным организациям, все более и более утрачивала непосредственную связь с революционными деятелями в России. Единственный путь, при помощи которого поддерживалась эта связь, был через русских студентов, учившихся в швейцарских университетах. После ареста Дейча, главной организаторской силы Группы, для нее исчезает последняя надежда прочной установки постоянных сношений с русскими товарищами. „При таких условиях—говорит Рязанов—создание обширной рабочей литературы оказалось практически невозможным. Для этого нужно постоянное общение с рабочей массой. Пришлось отказаться от задуманных уже работ. Из готовящихся к печати брошюр для рабочих тогда увидела свет только книжка П. Аксельрода „Рабочее движение и социальная демократия“²⁾.

Но если практически Группа и не очень проявляла себя в это время, то тем не менее она уже тогда сыграла крупную роль в деле будущего развития социалдемократии в России.

„Предстояла другая, не менее важная задача,—продолжает Рязанов—гораздо более доступная и осуществимая: создание кадров социалдемократической революционной интеллигенции, которая понесла бы идеи социалдемократии в среду рабочих; „социалдемократического движения“ в России в то время еще не было, для возникновения его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь“. А „главным идейным препятствием или камнем преткновения для этого являлись иллюзии радикальной интеллигенции насчет направления и перспективы нашего экономического развития и отрицательного отношения той-же интеллигенции к социально-экономическому и революционному значению нарождающегося русского пролетариата. Отсюда видная, если угодно,—первостепенная, роль полемики всех оттенков в публицистических изданиях группы“³⁾.

ГЛАВА IV.

Совершенно независимо от группы „Освобождение Труда“, почти одновременно с ней, в Петербурге возникла первая социалдемократическая группа, известная по имени своего основателя, болгарина Благоева⁴⁾. Как и Плеханов, Аксельрод

¹⁾ Плеханов „Русск. раб. в рев. движении“ стр. 62.

²⁾ Н. Рязанов „Гр. Освоб. Труда“ стр. 14—15, 2-е изд. 1906 г.

³⁾ Там же, стр. 14—15.

⁴⁾ Т. Благоев сейчас является одним из активных вождей Болгарской Коммунистической Партии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие к настоящему изданию	стр. 3
Предисловие к изданию 1906 г.	7

ЧАСТЬ I.

I. Восьмидесятые годы	15
II. Рабочее движение	22
III. Группа „Освобождения Труда“	33
IV. Благоевская группа	44
V. Марксистские кружки	51
VI. Социал-демократические кружки	60
VII. Начало агитации	70
VIII. Характер первоначальной агитации	79
IX. Социал-демократы и „чистые политики“	85
X. Организация	94
XI. Начало социал-демократического движения	104
XII. Работа среди еврейских ремесленников	113
XIII. Легальное выступление марксистов	133
XIV. Принижение сознательности руководителей движения	149

ЧАСТЬ II.

XV. Политическое пробуждение общества	153
XVI. Причины разномыслия среди практиков социал-демократов	163
XVII. Подготовка I-го с'езда	172
XVIII. Постановка организационного вопроса у группы „Освоб. Труда“	182
XIX. Организационные течения среди русских практиков до I-го с'езда	193
XX. Решение I-го с'езда	207
XXI. Тактические взгляды группы „Освоб. Труда“	216
XXII. Влияние непролетарской интеллигенции на деятельность и взгляды Р.С.-Д.Р.П.	233
XXIII. Экономисты	248
XXIV. Общественное настроение накануне XX века	264
XXV. Промышленный кризис и рабочее движение	276
XXVI. „Рабочее дело“	291
XXVII. „Кустарничество“ в местной работе	311
XXVIII. Два об'явления	327
XXIX. Массовые выступления	336
XXX. Полицейские попытки легализации „чисто-рабочего“ движения	349
XXXI. Социал-демократия и рабочий класс	365
XXXII. Организованные взгляды „Искры“	378
XXXIII. Тактика „Искры“	399
XXXVI. Программа „Искры“	419